

## ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ<sup>1</sup>

Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева

*Статья посвящена обобщению результатов экспедиционных исследований в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев на территории Баяндаевского р-на Иркутской обл. Рассмотрены этнокультурные взаимодействия белорусов и бурятов, исследованы принципы сохранения и трансформаций традиционной культуры переселенцев.*

**Белорусские переселенцы, белорусы в Сибири, аграрные переселения, традиционная белорусская культура, этнокультурные взаимодействия, Баяндаевский район Иркутской области.**

В августе 2012 г. нами была проведена экспедиция в места компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в Баяндаевском р-не Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской обл.<sup>2</sup> Большинство белорусских переселенцев прибыло сюда в результате аграрной реформы П.А. Столыпина в период с 1905 по 1909 г. преимущественно из Гродненской и Могилевской губерний. На необжитых землях, отведенных под переселенческие участки, ими было основано несколько поселений. Современные центры компактного расселения белорусов в Баяндаевском районе — деревни Тургеневка, Толстовка, Васильевка и Лидинск, расположенные на расстоянии около 5–8 км друг от друга.

Основным мотивом крестьянских переселений на территорию Прибайкалья являлось малоземелье. Вот как описала историю переселения в Сибирь своих предков информатор Н.Ф. Кирпиченко, 1925 г.р., проживающая в д. Толстовке: «Бабушка моя приехала сюда без мужика, у нее было пятеро сыновей. Там все было панским, сыновьям надо жениться, а земли так мало, что ее между ними не поделить. Приехали двое сыновей ходоками, им понравилось что земли здесь много. Здесь жили лишь буряты, у них не было бань, ходили во всем шубном, у всех были воши, люди часто болели разными заразными болезнями. Многие приехавшие сюда переселенцы померли от тифа».

На момент начала переселений отведенные крестьянам участки территориально относились к Баяндаевской волости Верхоленского уезда Иркутской губернии. Большого интереса заслуживают названия основанных белорусами деревень. Название деревни Лидинск указывает на его связь с местом выхода переселенцев, которые могли проживать неподалеку от г. Лида, расположенного в Гродненской губернии. Среди основателей д. Тургеневки большинство переселенцев было из Пружанского уезда Гродненской губернии (прил.). По преданию, сохранившемуся среди жителей Тургеневки, деревня могла быть так названа в честь бурятского князя Тургена, якобы проживавшего на этих землях. Однако эту версию ставит под сомнение соседство деревни с Толстовкой и не сохранившейся ныне Гоголевкой. Объяснение названий тем, что переселенцы были знатоками и любителями отечественной литературы, в определенной степени правдоподобно, так как значительная часть поселившихся здесь крестьян были грамотными и с первых же лет жизни в Сибири стремились привить грамоту своим детям. Об этом свидетельствует тот факт, что, основав Тургеневку в 1909 г., уже через год ее староста Давид Гурин направил прошение губернским властям об открытии в деревне школы. В 1913 г. школа начала работу, получив статус народного училища. Но существует и другая, более правдоподобная версия происхождения названий этих деревень. Среди местных земских чиновников, отводивших участки для заселения крестьян, было много представителей интеллигенции, которые могли хорошо знать и ценить русскую литературу. Учитывая то, что участкам, отводимым переселенцам, чиновники нередко давали названия (ими могли быть «Тургеневский участок», «Толстовский участок» и т.д.), можно предположить, что некоторые из последних могли унасле-

<sup>1</sup> Работа поддержана грантом РФФИ № 12-21-01000 а(м).

<sup>2</sup> Авторы статьи выражают глубокую благодарность председателю Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского О.В. Рудакову за активное содействие в организации экспедиции.

### Историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев в Прибайкалье...

довать и основанные на их месте деревни. К этой версии склоняется прожившая долгие годы в Тургеневке краевед и основатель местного народного музея Т.М. Мыльников<sup>3</sup>.

Отведенные белорусам участки по природно-климатическим условиям можно отнести к зонам рискованного земледелия. По данным Т.М. Мыльниковой, на территории Баяндаевской волости Верхоленинского уезда, к которой на момент переселений относились эти земли, для прибывавших сюда крестьян выделили 40 участков, но занято из них было только 10. Это можно объяснить тем, что земли здесь были не самыми лучшими, а климат оказался слишком суровым для воспроизводства традиционных форм хозяйствования, сложившихся в местах выхода переселенцев. На Даниловском участке сезонное промерзание грунтов достигало трех метров. В середине июня и середине августа там случались заморозки, что препятствовало выращиванию картофеля и овощей. Из злаковых культур можно было сеять только ячмень, рожь и овес: пшеница нередко замерзала. Также земли, расположенные на территории современного Баяндаевского района, были не очень привлекательны для крестьян ввиду значительной удаленности от железной дороги.

Прибыв на выделенные участки, переселенцы начали раскорчевывать стоявшую на них тайгу под жилища и пашни. Из срубленных деревьев сразу строили дома. Вот как описывался процесс возделывания переселенцами земли в экспозиции историко-этнографического музея д. Тургеневки: *«Чтобы повернуть во время вспашки пласт земли, нужны были огромные усилия. Лошадей было мало, пахали на быках, которых покупали в бурятских улусах. Запрягали волов в плуг. К плугу привязывали большой нож, который резал землю, а плуг с лемехом переворачивал пласт, поэтому верхний черноземный слой сохранялся. После вспашки боронили деревянной бороной с железными зубьями. Во влажную землю кидали зерно и прикатывали ее, чтобы не выбило дождем, не склевали птицы»*. Примечательно, что традиционное хозяйство живших здесь ранее бурятов было основано на минимальном вмешательстве в жизнь окружающих их экосистем. Например, в улусах, где проживали буряты, существовала традиция не топтать новой дороги, по возможности используя естественно сложившиеся пути передвижения. Поэтому белорусы здесь первыми начали обрабатывать землю, вводя ее в хозяйственный оборот. С родины они привезли в Сибирь картошку, семена льна и конопли. Из льна и конопли вплоть до 1960-х гг. местные женщины ткали холсты на одежду. Первые поколения переселенцев плели березовые лапти. Они были не столь крепкими, как липовые, и быстро приходили в негодность. Позднее, ввиду сильных зимних морозов, белорусские переселенцы стали приобретать у бурят меховые унты и другие виды их традиционной обуви. Запасы дичи в тайге способствовали тому, что жители белорусских деревень активно занимались охотой. Также на территории исследованных деревень было развито собирательство лесных ягод, грибов, дикого лука и черемши, которое, по рассказам информаторов, не раз спасало многие семьи в голодные годы коллективизации и Великой Отечественной войны.

Большинство опрошенных потомков белорусских переселенцев отмечают, что их предки всегда жили обособлено от бурятского населения. Но в то же время, по их словам, белорусы и буряты не испытывали друг к другу взаимной неприязни и конфликты между ними были редки. Значительные различия в культурно-хозяйственных типах белорусских и бурятских поселений в отдельных случаях способствовали развитию экономических контактов между представителями двух народов. Во многих рассказах информаторов описываются примеры торговли между белорусами и бурятами, которая чаще всего носила характер натурального обмена. Буряты, ведущие полукочевой образ жизни и не занимающиеся возделыванием земли, были заинтересованы в приобретении выращиваемых белорусами злаков и овощей в обмен на такие продукты животноводства, как одежда и обувь из кожи и меха. Однако оба народа ограничивались лишь торговыми контактами, помимо которых большинством опрошенных не отмечалось серьезных культурных взаимодействий между ними. Опираясь на аналогичный пример расположенной неподалеку польской д. Вершины, Н.Г. Галеткина охарактеризовала данную ситуацию следующим образом: «Можно говорить о сложившейся к 1920-м годам своеобразной модели отношений, характеризуемой следующим образом: автономное друг от друга культурное развитие при стабильных контактах в хозяйственной сфере» [1996].

---

<sup>3</sup> Авторы статьи выражают благодарность Т.М. Мыльниковой за предоставленные ею фактические материалы об истории белорусских деревень Баяндаевского района.

Информатор Н.К. Докучиц (Самосюк), 1937 г.р., проживающая в Тургеневке, вспоминает: *«Помню, во время войны к маме приезжала одна бурятка. Каждую зиму придет — навезет всякой кожи. Сидит, шьет рукавицы, унты. Мама ее называла своей теткой. Если что — говорила “ты мою тетку не тронь”. Она обменивала эти изделия на продукты. Такие примеры у нас часто встречались».*

Браки между белорусами и бурятами не практиковались вплоть до послевоенного времени, но и во второй половине XX в. они не приобрели массового характера. Несмотря на это на территории Баяндаевского района сохранились устные предания, указывающие на отступления от этого обычая, которые имели место на ранних этапах переселения сюда белорусов. По рассказу Г.В. Истомина, 1952 г.р., родившегося в ныне не существующей д. Игоровке, основанной белорусами, в ней встречались прецеденты вынужденных браков между белорусами и бурятами. Они обуславливались тем, что у проживавших здесь бурят в то время стали все чаще отмечаться признаки вырождения из-за кровосмешения, повлекшего истощение их генофонда. Среди населения местных бурятских улусов отмечалась высокая заболеваемость сифилисом и частые случаи врожденных физических аномалий у детей. Местные власти стали убеждать бурят в том, что, если они начнут вступать в браки с переселенцами других национальностей, это спасет здоровье их рода. По преданию, бурятами было принято следующее решение: если кто-то из переселенцев хочет поселиться на их землях, один из представителей их рода должен жениться на бурятке. Г.В. Истомин рассказывал о том, как четыре брата, прибывшие из Белоруссии, были поставлены перед фактом необходимости жениться на бурятке. Никто не хотел этого делать. Тогда они стали тянуть жребий, и вытянувший его брат был вынужден жениться на «инородке». По другой версии, рассказанной М.А. Осечкиной, 1960 г.р., живущей в д. Тургеневке, для улучшения рода буряты лишь предлагали приехавшим сюда белорусам зачать с их женщинами совместных детей, не вступая с ними в брак. Достоверность подобных рассказов вызывает сомнение: в ходе экспедиции в Баяндаевский район нами не выявлены информаторы, которые могли бы быть метисами, родившимися в результате описанных взаимодействий между бурятами и белорусскими переселенцами. В рассмотренном нами районе браки чаще всего заключались между жителями деревень, основанных белорусами. По словам Т.М. Мыльниковой, «тургеневские» женились на «лидинских», «лидинские» на «толстовских» и т.д.

В Тургеневке, как и в соседних деревнях, основанных белорусами, так и не была построена церковь. Для выполнения церковных обрядов жители деревень ездили в расположенное на значительном удалении с. Баяндай. По рассказам информаторов, поездки в церковь чаще всего были связаны с такими исключительными жизненными ситуациями, как крещение младенцев, венчание или отпевание. По рассказу информатора Н.К. Докучиц (Самосюк), проживающей в Тургеневке, после войны церковь в Баяндае была перестроена в столовую и с этого момента крестить детей в их деревне перестали.

Примечательно, что на фронтонах первых домов, построенных переселенцами, был вырезан крест. Эта интересная традиция нуждается в отдельном изучении и сопоставлении с аналогичной практикой в местах выхода переселенцев (рис. 1). По предположению Т.М. Мыльниковой, украшение крестами домов могло символизировать своеобразное благословение жителей деревни на новом месте и одновременно означать приверженность народным православным традициям вдали от воцерковленной жизни. Примерно в 1930-х гг. в этноконфессиональной жизни белорусских деревень стали происходить изменения. Многие информаторы указывали на то, что в эти годы в ряде семей уже перестали крестить детей и отмечать все церковные праздники. В то же время несколько жителей д. Тургеневки в советское время были обращены в пятидесятническую веру. В 1930-е гг. большое количество пятидесятников сослали в Иркутскую область из западных областей Советского Союза. В Тургеневке и соседних деревнях во времена культа личности ссыльных не селили, и их обитатели продолжали жить довольно обособленной жизнью. Поэтому до конца не ясно, откуда в деревню мог попасть староста, обративший часть ее жителей в новую веру, которой ряд старожилов придерживается по сей день.

Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали достаточно поздно. Рассказы большинства информаторов свидетельствуют о том, что среди их предков первоначально решающую роль играли региональные факторы идентичности. К примеру, переселенцы делили друг друга на «гродненских» и «могилевских» по губерниям, откуда они были родом. Данную ситуацию можно назвать характерной для большинства других мест компактного расселения белорусов в Сибири. Информатор Н.Г. Рупеко, 1941 г.р., отмечала, что поговору

## Историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев в Прибайкалье...

человека ее предки всегда могли определить, из какой деревни он родом. В Тургеневке и Лидинском говорили одинаково, потому что в них преобладали переселенцы из Гродненской губернии. В соседней Толстовке говор был другой: там в основном, жили выходцы из Могилевской губернии.



**Рис. 1.** Фасад хаты с отдушиной в виде креста (1907 г. постр.), д. Черлены, Мостовский р-н, Гродненская обл., 1954 г.

(фото из архива Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси)

По рассказам информаторов, наиболее часто их осознанию себя белорусами способствовали оставшиеся родственные связи на родине предков, поездки к ним в гости. Информатор Нина Докучиц (Самосюк) так охарактеризовала ситуацию, в которой она стала считать себя белорусской: *«Я в детстве не знала, что я белоруска. Родители всегда называли свою родину (Гродненскую губернию. — Прим. авт.) «Россией». По документам я была русской. Осознание своей национальной принадлежности пришло тогда, когда я поехала после школы работать швеей в ателье в тогдашний окружной центр Усть-Орду. Там все обращали внимание на мой говор. Как я ни старалась, но не могла говорить как остальные. Надо мной хохочут бурятки, что-нибудь у меня все равно выскочит при разговоре. Я и сама до этого не понимала, что говорю неправильно. Я потом вернулась домой и спросила у родителей, в чем дело. Бабушка говорит — “потому что мы нездешние, мы приехали с Белоруссии”. Это было в 1950-х годах перед моим замужеством. Дед и бабушка говорили на чистом белорусском. А у нас уже язык сломался (стали говорить на трасянке. — Прим. авт.).*

Рассказы многих информаторов свидетельствуют о том, что период коллективизации явился для их семей тяжелым потрясением, повлекшим за собой не только разрушение традиционного хозяйственного уклада, но и утрату многих специфических элементов национальной культуры. По словам информатора Н.Ф. Кирпиченко, 1925 г.р., живущей в Толстовке, лишения, выпавшие на долю их семьи в голодные годы коллективизации и войны, способствовали тому, что ее родственники стали придавать существенно меньше значения традициям в семье, связанным с проведением национальных праздников и обрядов.

Несмотря на утрату многих элементов традиционной белорусской культуры, некоторые элементы и сейчас продолжают бытовать на территории Баяндаевского района. К примеру, достаточно стойкими здесь оказались привнесенные из Белоруссии традиции похоронного обряда. После похорон и в поминальные дни, такие как Радуница, могильные кресты до сих пор принято обвязывать рушниками. Ввиду отсутствия в окрестностях Тургеневки реки, на Купалу местные жители ставят в установленном месте бочки с водой, в которых совершают омовения. Также на Купалу было принято прыгать через костер. Н.К. Самосюк вспоминала, что 25 марта, на Благовещение, в их семье женщинами было не принято заплетать косы: *«Бабушка вечером нас расчесет, платочки наденем и спим, чтобы на завтра не чесать голову. У нас в этот день всегда говорили “Птичка гнездышка не вьет, а девка косу не плетет”*». Среди распро-

страненных в Белоруссии народных праздников в семье информатора 15 февраля отмечали «Грамницы». Праздник соответствует церковному «Сретению Господню», но имеет праславянские корни, связанные с культом жены бога Перуна — Грамницы, которая считалась богиней лета [Белорусское товарищество...]. В этот день обычно говорили: «Грамницы — петух напьется водицы». По словам Н.К. Самосюк, к концу 1950-х гг., после смерти ее бабушки и бабушки, все эти праздники в ее семье перестали отмечать.

По описанию Т.М. Мыльниковой, у первых поколений белорусских переселенцев женский комплекс костюма состоял из рубахи с отложенным или стоячим воротом, полосатой или клетчатой юбки, передника и безрукавки. Поверх рубах надевали полотняную (*спидница*) или суконную (*андарак*) юбку. Также в одежде были распространены безрукавки (*кабат, гарсет, каптан*). Одежда, как правило, украшалась вышивкой из красных узоров. У мужчин и женщин встречались такие виды распашной одежды, как *свита, охабень, епанча*. Замужние женщины прятали волосы под чепец, предварительно накручивая их на лубяной обруч, а поверх чепца навивали «наметку» — старинный головной убор в виде длинного льняного полотенца. Девушки заплетали косы, ходили с непокрытой головой или носили венки, оставляя непокрытой макушку. На свадьбу невеста также надевала венок из бумажных цветов, украшенный шелковыми лентами.

В настоящее время среди белорусских старожилов Баяндаевского района еще можно встретить традиционные приемы пряжи из шерсти животных, а также изготовление рушников с национальными орнаментальными мотивами (рис. 2).



Рис. 2. Старейшая жительница Тургеневки Ф.М. Мартинович (1915 г.р.) за пряжей (фото Р.Ю. Федорова)

Говоря о современной этнокультурной ситуации в изучаемых населенных пунктах, можно отметить высокую степень белорусского национального самосознания у их жителей, включая представителей молодых поколений. Данная ситуация заслуживает большого интереса, так как является скорее исключением из общих тенденций к нарастающим в жизни каждого нового поколения выходцев из Белоруссии процессов ассимиляции в иноэтничном окружении, которые были ранее зафиксированы нами в ряде мест их компактного проживания на территории Западной Сибири [Багашев, Федоров, 2012].

Попробуем рассмотреть подробнее, опираясь на материалы, полученные методом включенного наблюдения и обобщения жизненных историй потомков белорусских переселенцев, причины сохранения здесь на протяжении последних ста лет ряда элементов их традиционной культуры и национального самосознания.



Рис. 3. Экспозиция историко-этнографического музея д. Тургеневки, посвященная быту белорусских переселенцев (фото Р.Ю. Федорова)

Так, в ходе проведенного нами опроса многие жители Тургеневки отмечали, что от начавшегося «забвения» своих национальных корней их спасла поддержка Иркутского товарищества белорусской культуры им. Яна Черского. На протяжении последнего десятилетия активистами товарищества был предпринят ряд шагов, направленных на возрождение и поддержку белорусского самосознания разных поколений жителей деревни. В деревне открыли историко-этнографический музей, посвященный истории и традиционной культуре белорусских переселенцев Баяндаевского района (рис. 3). В средней школе Тургеневки введены факультативные занятия по белорусскому языку, которые стали посещать все учащиеся. Также в деревне создано два фольклорных коллектива — детский «Рушничок» и взрослый — «Варенички». Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского организует реконструкции таких белорусских праздников, как Каляды, «Жаніцьба Цярэшкі», Гуканье Вясны, «Сёмуха», Купляе, Дзяды и др. [Рудаков, 2003]. На въезде в Тургеневку установлен указатель на белорусском языке с надписью «Беларуская вёска Тургенеўка», который на сегодняшний день является единственным в Сибири (рис. 4). Благодаря этим мерам у детей и молодежи, проживающих в Тургеневке, можно отчетливо проследить присутствие белорусской национальной самоидентификации, возрождение интереса к традиционной культуре предков.



Рис. 4. Дорожный указатель на въезде в Тургеневку (фото Р.Ю. Федорова)

**Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева**

Полевые материалы, собранные в деревнях Баяндаевского района, дают возможность глубже раскрыть многие общие закономерности сохранения и трансформаций традиционной культуры белорусских крестьян-переселенцев в Сибири. Одной из перспектив этнографических исследований этого района является сопоставление зафиксированных нами устных историй с архивными материалами, которые могут дать детальную информацию о местах выхода переселенцев и особенностях демографических процессов в их среде.

Приложение

**Список избранных переселенцев, водворенных на Тургеневский участок в 1909 г.  
(составлен Т.М. Мыльниковой по материалам Государственного архива Иркутской обл.)**

И.О.Ф. домохозяина, получившего ссуду	Из какой губернии, уезда, волости прибыл	Время водворения	Дата выдачи ссуды	Размер ссуды (руб.)
Федор Александрович Александров (он же Баранов)	Костромской губ., Варнавинского уезда, Макарьевской волости, д. Пытушихи	26 апреля	28 апреля 2 мая	5 20
Григорий Трофимович Тюшкевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Молочской волости, с. Олехновичи	8 мая	28 апреля 28 июня	50 50
Никон Тимофеевич Тюшкевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Молочской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 35
Степан Мартынович Жук	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селизкой волости, д. Сошииы	8 мая	11 мая 25 мая 28 июня	25 25 50
Иван Николаевич Сазанович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селизкой волости, д. Селезень	8 мая	11 мая	25
Каленик Никитин Леонович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 24 мая 28 июня	25 50 25
Иван Иванович Потапович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 25 июня 28 июня	30 25 45
Григорий Кириллович Колодинский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 28 июня	25 75
Онуфрий Лаврентьевич Заремба	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Артемий Петрович Дакуциц	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Николай Петрович Гуревский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Кирилл Мартынович Самосюк	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Хайники	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Василий Михайлович Шкилевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Андрей Леонтьевич Подоровский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Никифор Григорьевич Макаревич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Кабаки	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Емельян Терентьевич Карпинчик	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Иван Федорович Оскирко	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Илья Иванович Гронский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Кабаки	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Петор Семенович Драга	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Семен Леонович Лихушко	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Иван Кондратьевич Зданович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Василий Кондратьевич Зданович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Михаил Исидорович Жебрун	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60

---

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.

Белорусское товарищество отмечает праздник «Грамницы» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/tpp-article/article/6861.html>.

Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестн. Евразии. М., 1996. № 1 (2). С. 62–77.

Рудаков О.В. Белорусские обрядовые праздники. Иркутск: ASPrint, 2003. 58 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН  
r\_fedorov@mail.ru  
bogordaeva@mail.ru

*The article is devoted to generalizing results of expedition investigations in the places of compact residence of Byelorussian peasants-the-migrants on the territory of Bayandayevo District, Irkutsk Oblast. The paper considers ethnocultural interactions between Byelorussians and Buryats, investigating principles of preservation and transformations of traditional culture of the migrants.*

**Byelorussian migrants, Byelorussians in Siberia, agrarian migrations, traditional Byelorussian culture, ethnocultural interactions, Bayandayevo District of Irkutsk Oblast.**